

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Поздеева

Слово богослужения и этноконфессиональное сознание русского народа

Все века, когда складывалось массовое православное религиозное сознание российских народов и во многом основанный на нем народный менталитет, идеи и положения православного вероучения так же, как государственные, патриотические и другие, доводились до массового сознания народа более всего и прежде всего через тексты богослужения.

Молитвенное общение с Господом было и остается величайшим долгом и величайшим счастьем любого христианина. Церковь как дом Божий на земле и православное государство должны были обеспечивать возможность повсеместного совершения уставного общественного богослужения и условия совершения богослужения «на потребу» для каждого индивидуального и коллективного субъекта. Человек как член правомочной семьи, признанной обществом, обладающий правами и обязанностями члена этого общества и подданного государства, мог стать таковым только как церковленный член Русской Православной Церкви. И поэтому каждый существенный этап в жизни личности, так же, как и вся повседневная жизнь с ее обязанностями, радостями и горестями, совершался, освящался и социализировался путем обязательного общественного или частного богослужения, специальные тексты которых охватывали буквально все возможные случаи социальной жизни личности и коллектива. Чины, молитвословия, молитвы «на потребу» находятся в книге Требник. В XVII в. на Московском печатном дворе вышли 19 изданий Требника, в том числе в 1639 г. – две громадные книги: Требники Иноческий и Мирской (552 и 682 листа *in folio* – 2°). Первое издание Требника (4°, 783 л.) вышло 25.11.1623 г. Было напечатано 1 016 книг себестоимостью 1 рубль 20 ал-

тын. Печатались книги на «новом» стане наборщика Дорофея¹. В ближайшие два года вышли еще два издания Требника (13.12.1624 и 08.05.1625). В 1642 г. Требник вышел и в самостоятельной типографии Василия Бурцова. Всего с 1623-го по 1697 г. (последнее издание Требника в XVII в.) в Москве вышло более 22 000 экземпляров этой книги. Именно эти издания и используются в предлагаемой работе². Достаточно перечислить некоторые молитвы и чины, сопровождающие, очищающие и освящающие приход в мир нового человека. Еще до рождения младенца его родители обращались к Господу с молитвой или чином «в чадотворение». Само рождение, наречие имени сопровождались детально разработанными специальными текстами, освещавшими фактически все этапы и детали прихода человека в мир. Назовем хотя бы некоторые из этих молитвословий: «Молитва жене по рожде[ни]и младенца», «Молитва жене по рождении и женам, прилучившимся на рождении том», три молитвы «бабе», младенца «приемшей» (повивальной бабке), «Молитва, дитя в колыбель класти», «На пострижение власов младенцу впервые от рожде[ни]я его», «О наречении имени младенцу во осьмый день», «Последование молитвы матере со младенцем в сороковой день». Например, на первое «пострижение власов младенцу» в нескольких молитвах вспоминается и пострижение волос иереев, и «постригание святых апостол твоих», которым Господь подал «во влас место веру и словеса». Священник же, в связи с первым пострижением младенца, обращается к Господу: «Владыко, Господи Боже, подаждь рабу твоему сему, имя рек, постригающему главу, мысль праведну, житие добродетельно, да по заповедем Твоим жив, угодная перед Тобой соторь и

¹ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 3. Л. 231 – 235; Д. 4. Л. 63 – 63 об.

² При указании каждого издания приводится номер его описания в Каталоге А. С. Зерновой. (См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI – XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. Далее – Зернова, номер.)

Ил. 1. Сельская церковно-приходская школа. Калужская губ. Начало XX в.

да сподобится стояния одесную Тебе». И далее вся человеческая жизнь, во время важнейших ее событий и особенно несчастий, поддерживалась и освящалась, сопровождалась специальными молитвами. Насколько эти чины были разработаны, можно установить, только просмотрев содержание любого из печатных Требников. Вот, например, некоторые из содержащихся в них чинов и молитв: «Чин, бываемый на трапезе, за приливок о здравии», «Молитва на копание кладязя и о обретении воды», «Молитва над новым кладязем», «...аще что скверно впадет в кладязь», «Молитва над ситом», «...внегда что скверно впадет в сосуд вина, или масла, или меду, или во ино что», «Молитва на учение грамоте детем», «О отроцах, неудобо учащихся», «на путь идущим», «на рать идущим», «внегда отпущати в плавание корабли», «Молитва, начати вино и мед», «Молитва над солию» и над «приносимым плодом овощей», «Молитва над гумном». Можно напомнить также молитву во «еже благословити стадо», последование «в бездождие», последование «в сухость от бездождия», канон «в страх труса», канон «в прещение губи-

тельные немощи» и молитву «в... язву смертную», молитву «в прещение громов и молний», молитву «от злорастворения ветров и бури морские» и на многие иные случаи жизни человека.

В качестве примера приведем тексты из молитвы «В путь идущим»: «Господи Боже наш, истинный и живый путь, спутешествовавый угоднику своему Иакову и странствовавый рабу своему Иосифу, спутьшествуй, имя рек, рабу твоему, Владыко, и изми того от искушении и разбояства, и всякого навета и обуревания избави, и в мире и благопространстве устави, всякоя правды промысл творяша по заповедем твоим и исполнена житейских и небесных благ бывша»; «Владыко, Господи Боже отец наших, Тя просим... якоже бе изволил еси сам взыти со угодником Твоим Моисеом... такоже и ныне сам иди с рабом Твоим сим, имя рек, и своими сими, храня их день и нощь»³. В этих словах прекрасно прослеживается один из принципов составления молитвенных текстов, обеспечивающих их особую силу, воздействие, всеобщее значение и звучание, независимо даже от непосредственной, внешней цели молитвы. Это и постоян-

³ Московский Требник, изданный Василием Бурцовыkh в 1642 г. (Зернова, 117). Л. 134 – 136.

ное обращение к Писанию и Преданию, учет всех возможных искушений и несчастий, от которых может избавить Бог через молитву к Нему, и удивительная многозначность молитвы. Например, в данном случае представление о Господе как истинном, живом пути каждого сразу же превращает внешне бытовой и функциональный текст в молитву о духовном пути, духовной жизни, единственной истинной «живой» жизни христианина.

Нет необходимости напоминать о соответствующих чинах венчания, различных для всех случаев вступления в брак: чин венчания первым, вторым, разрешенным в особых обстоятельствах третьим браком, вдовствующего мужа (жены) со вступающей в первый брак невестой и т. д. И это только незначительная часть содержания книги Требник. В одной из последних работ М. М. Громыко⁴ сформулировала основные принципы, по которым можно определить степень проникновения православия в этноконфессиональное сознание народа. Выделенные ею направления православного вероучения действительно находят наиболее яркое и постоянное раскрытие как в неизменяемых суточных, так и в созданных на Руси изменяемых текстах богослужения. Но особенно четко можно проследить их в молитвах именно Требника. Совершенно очевидно, насколько содержание этих общеизвестных и повсеместно читаемых текстов может раскрыть и детализировать реальную историческую обстановку, образ жизни и народный менталитет своего времени. Объем статьи (и даже книги?) не позволяет не только раскрыть, но даже поставить вопрос о многообразии содержания русских литургических текстов. Поэтому подробнее остановимся только на текстах нескольких функциональных молитвословий. Поскольку духовного в этом мире нет без материального, можно вполне доказательно продемонстрировать значение литургических текстов как источника изучения и важнейших аспектов материальной жизни общества. Эту жизнь, как уже было сказано, тексты богослужения не только освящали, но именно они придавали ей статус общесоциального явления. Приведем несколько примеров.

М. М. Громыко в вышеупомянутой статье на первое место среди признаков народного религиозного сознания поставила всеобщность православного поминования усопших. Действительно, древнейшие тексты Русской Православной Церкви на дни поминования умерших – одни из самых важных среди служб «на потребу». Они призваны

помочь присутствующим не только вознести молитвы за преставившегося человека, но и в значительной степени облегчить тяжесть утраты для оставшихся в живых. Удивительной красоты и эмоциональной глубины, заупокойные службы не могут оставить равнодушным никого, кто хоть раз задумывался о бренности своего существования. Их функция еще и в объединении всех живущих в молитвах за умерших, независимо от времени, социального положения и места их в государственной жизни. Поэтому знание их обязательно для тех, кто стремится понять русскую культуру. Значение и возможности этих текстов далеко выходят за рамки собственно заупокойного богослужения, поскольку по самой своей сущности они содержат изложение основ православного вероучения и поведения верующего в мире. Чтобы напомнить красоту и глубину заупокойных текстов, приведем несколько «покойных стихир» второго гласа из Чина погребения мирянам⁵: «Яко цвет увядает, и яко сень мимо грядет, разрушается всяк человек... Увы мне, колик подвиг имать душа разлучающаяся от телесе. Увы, тогда колико слезит и несть, иже помилует ея. Ко ангелом очи возводящи – бездельно молится; к человеком руце просяща – и не имать помогающего. Тем же, возлюбленная моя братия, разумевше краткую нашу жизнь, преставленому покоя от Христа просим... Приидете, видим чудо выше ума: вчера был с нами, ныне же лежит мертв. Приидите, разумеем, что мятущиеся совершают, како зде воняями мажутся – зловонием смердяще; како иже зде златом красящиеся – без красоты и без лепоты лежит... Все сущие человеческа, елико не пребудет по смерти: не пребывает богатство, ни снидет слава... Человецы, что всуе мятемся... Дым есть житие се: пар, и персть, и пепел, вмале является и вскоре погибает... Где есть мирское пристрастие, где есть маловременных мечтание, где есть злато и сребро, где есть раб множество? Все мятеж, все пепел, все персть, вся сень... Прииде смерть, яко хищник, приступи тлитель и разруши мя... и бых, яко не быв, лежу ныне...»

Трудно передать всю важность мыслей, изложенных в прекрасных образах заупокойных стихир: бренность всего живого и всякого материального стяжания; непостижимость смерти, страх и тяжесть смертного часа грешника, невозможность умершего грешным получить спасение ни от земных, ни от небесных сил; обязанность всех живущих молить Христа о даровании покоя усопшим.

⁴ Громыко М. М. Православие как традиционная религия большинства русского народа // Материалы Международного научного симпозиума «Православие и культура этноса» (Москва, 9 – 13 октября 2000 г.). (ИВ. М.; Воронеж, 2001. № 13 – 14 (специальный выпуск).

⁵ См. Требник, напечатанный на Московском печатном дворе 29 августа 1636 г. (Зернова, 131). Л. 362 – 368.

Ил. 2. Одно из первых изданий молитвослова для мирян, выпущенного Московской Патриархией в советское время

И основная мысль, звучащая в каждом слове богослужения: «все суeta человеческа, елико не пребудет по смерти»!

Именно заупокойные тексты рано стали неотъемлемой частью многих словесных и музыкальных форм и народной, и профессиональной русской культуры; вызвали к жизни памятники изобразительного народного искусства. Вспомним, например, те же заупокойные стихиры пятого гласа: «...аз есмь земля и пепел, и паки разсмотрю во гробех, и виде кости обнажены и рех, убо то есть царь или нищь, или праведник, или грешник, но покой, Спасе, с праведными». Несомненно, именно во время заупокойной службы особенно сильно запечатлевались в сердцах и умах оплакивающих усопшего слова о неизбежности наказания за грехи: «Безчислено будет блудно живущим мучение, скрежет зубом, и плач неутешимый, мрак без света, и тма кромешная, и червь неусы-

пающий, и слезы неполезны, судия неумолимый»⁶.

Один из самых тяжелых моментов – последнее целование усопшего; навсегда запоминаются поэтому бесконечно печальные стихиры на целование: «Днес суетных надежа, и земных прелесть и слава угасе, и любовь. Се бо разлучается душа от тела, зрак разрушается, и помрачается лице, уши затыкаются, и уста заграждаются, руце увянувшe, и нозе гробу предаются. Воистину суeta человеческая. Мене, друзья, послушавше, приидете, це-луите сущаго прежде с нами бывша. Уже бо не имамы его видети, гробу предается, перстию покровен, во тму слется, с мертвыми погребается. Друзи, придете и ужики се разлучаемся воистину суeta человеческая. Тоe разлучение, братие, кии плач, кии вопль в нынешний час, приидете убо целуем»⁷. Именно тексты заупокойной службы в значительно большей степени наполнены мыслями о сущности христианского вероучения. Этого требует и сама логика заупокойной службы, и ее несомненное сильнейшее воздействие на верующего. Так, в заупокойных стихириах шестого гласа мы находим краткое, точное, но и эмоциональное изложение ряда самых сложных доктрина христианства: «Начаток ми и состав, зиждителное Твое бысть повеление, восхотев бо от невидимаго и видимаго мя живо составити естество. Тленное ми тело от земля создав, дал же ми еси душу Божественным своим и животворящим вдохновением. Тем же, Спасе, раба своего во стране живущих и в краях праведных покой. Болезнь Адаму бысть древа вкушение, древле во Едеме, егда яд змий изблева, тем бо вниде смерть... Но пришед Владыка, низложи змия и Воскресение нам дарова, к Нему же убо возопилем, пощади, Спасе, его же прият со святыми покой, яко человеколюбец. Слово Божие существенное, младенец быти изволи, плоть прием и душу мыслену и самовластну, того ради во двою совершену естеству рожденному Сыну Божию поклонимся, самосоздана купно же и не создана уведехом»⁸.

По духу и мыслям к заупокойным службам близок Чин архиерейской службы «Како выходит святитель на воспоминание Страшного Суда Господня»⁹. В нем мы находим страстные слова о необходимости постоянной готовности к смерти и последнему Суду Господню, а также повторение грозных образов Апокалипсиса: «Егда поставятся престоли, и отверзутся книги, и Бог на Суде сядет, о, кии страх тогда, агелом предстоящим в трепете, и реце огне-

⁶ Требник 1636 г. Л. 362 – 362 об.

⁷ Там же. Л. 368.

⁸ Там же. Л. 362 об – 363.

⁹ Чиновник святительский. М.: Печатный двор. Ок. 1636 г. (Зернова, л. 39 – 51 об. (См. *Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора. Первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. № 49.*)

ней текущи, что сотворим тогда, иже во мнозех грешех повиннии человека... И кто постоит страшного оного ответа... Тогда труба возгласит вели, и основания земли подвижатся, и мертвии от гроб воскреснут, и в возраст един вси будут, и всех сокровенная явлена предстанут пред тобою...»¹⁰ Таким образом, именно тексты заупокойного богослужения, постоянно напоминая и готовя человека к его смертному часу, кроме того, донося до каждого образы и тексты Писания, раскрывают глубокие догматические положения. В тексты какого бы молебна, какона или чина мы ни вчитались, как правило, мы обнаружим в них незабываемые, яркие образы, чаще всего взятые из Псалтири или иных книг Писания, которые воспринимаются всеми верующими во время богослужения, становясь не только частью этноконфессионального сознания, но и создавая образное богатство народной культуры. Так например, один из основных образов канона-молебна «О победе на враги»¹¹ – образ «Фараона-гонителя, и того колеснику потопи, Господи»; или прекрасные слова того же молебна: «Житейского моря воздвигаема зря напастей бурею, в тихо пристанище прите, вопию Ти»¹².

Внимательно, как отчасти уже и было показано, Русская Православная Церковь относилась ко всем периодам и этапам сельскохозяйственных работ. С точки зрения характеристики массового народного сознания особенно интересны чины и молебны, которые служили для охраны посевов и в случае природных несчастий. «Чин, бываемый на нивах... аще случится вредитися от гадов или иных видов» сопровождался тремя молитвами, как они названы в Требнике 1658 г., «заклинаниями» мученика Трифона¹³. Согласно этому чину, после литургии священник и молящиеся снова обращаются к Господу, Который, «землю украсивыи злаком и травою и различием семен, сеемых по роду, и всю цветы вообразив в благоукрашение, благословил еси ю», с молитвой «о ниве или любом стяжании». В ней люди просят: «...стяжание сие... благослови е, сохрани е неврежденно от всякого чарования и обаяния и всякаго зла... и коварства лукавых человек; и дажь ему приносити плоды вовремя исполнены благословения Твоего; и всякаго зверя, и гада, червь же и мухи, и ржу, зной и вар, и безгодныя ветры вред наносящия, отжени от него...» В молитве св. мученика Трифона мы находим перечисление почти всех представителей

фауны, которые вредят посевам, виноградникам и другим возделываемым нивам. Вот некоторые цитаты из этого текста: «...Заклинаю вас, многовидни зверие, червие, гусеницы, хрущи и прузи, мыши, щуры и критици, и различные роды мух и мушки, и молии, и мравии, овадов же и ос, и многооножниц, и многообразные роды ползающих по земли животных и летающих птиц, вред и тщету нивам, виноградом, садом же и вертоградом наносящия... да не обидите виноград, ниже ниву, ниже вертоград, древес же и зелен раба Божия, имя рек, но отыдите на дивия горы на неплодныя древеса... изыдите от мест наших на места, яже предрех вам, непроходимая и безводная и неплодная»¹⁴. Знание этих молитв, всегда сугубо конкретных в своих просьбах, во многом должно способствовать пересмотру существующей в науке оценки ряда текстов, как народных заговоров. При знании вполне ортодоксальных формулировок молитв периода XVI – XVII вв. многие так называемые заговоры окажутся народным перефразированием или определенным переосмыслением текстов православного богослужения. Вот, например, фрагмент «Последования о избавлении от духов нечистых» по московскому Требнику 1658 г.¹⁵ В нем говорится: «Заклинаются Богом Вседержителем Богодухновенным гласом люди вдохнувшим и апостолом содействовавшим, и всю вселенную благочестия исполнившим: убоися, бежи, бежи, разлучися, демоне нечистый и скверный, преисподний, глубинный, лстивый, безобразный, видимый без студия ради, невидимый лицемерия ради, идже аще еси, или отъидеш: или сам еси Веелзевул, или сотрясаяй, или змиевидный, или звероличный, или яко пара, или яко птица, или нощеглаголник, или глухий, или немый, или от нашествия устрашай, или растерзай, или наветуй, или во сне тяжце, или в недузе, или в язе, или в смесе скотяй, или слезы любосластныя творяй, или блудный, или злосмрадный, или похотный, или слас-тотворный, или отраволюбивый, или любонеистовый, или звездоволхвуй, или доволшебник, или безстудный, или любопрятелный, или непостоянный, или с месяцем применяяся, или временем неким соображаяяся, или утренний, или полуденный, или полуночный, или безгодия некоего, или блистания, или по случаю сретися еси, или от кого послан еси, или нашел еси внезапу, или в мори, или в реце, или от земли, или из кладезя,

¹⁰ Чиновник святительский. Л. 41 об. – 43.

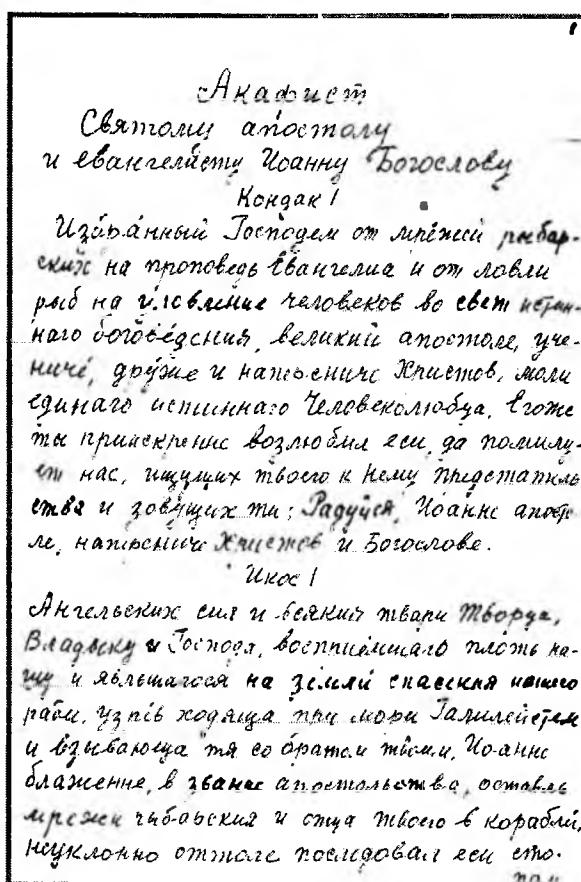
¹¹ Требник 1636 г. Л. 445 – 450 об.

¹² Там же. Л. 446 об.

¹³ Требник вышел на Московском печатном дворе 10 декабря 1658 г. (Зернова, 280) в количестве 1 200 экземпляров. Указанные молитвы см. на л. 536 – 542.

¹⁴ Требник 1658 г. Л. 538.

¹⁵ Там же. Л. 580 – 581.

Ил. 3. Акафист св. апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, хранящийся в одной московской семье

или от стремнины, или от рова, или от езера, или от трости, или от вещества, или от верху земли, или от скверны, или от луга, или от леса, или от древа, или от птицы, или от грома, или от покрова банныго, или от купели водных, или от гроба идолскаго, или отнюдь же вемы или невемы, или от знаемых, или от незнаемых, и от непосещаемого места отлучиша и пременися, устыдися образа, рукою Божию созданного и воображенаго, убояся воплощенна-
го Бога подобия, и не сокрылся в рабе Божием, имя рек, но жезл железный, и пещь огненная, и тартар, и скрежет зубный, отмщение преслушания тебе ожидает. Убояся, умолкни, бежи, не возвратися, ни сокрылся со инем лукавством нечистых духов, но отыди в землю безводную, пустую, неделанную, на ней же человек не обитает»¹⁶. Еще более выразителен другой фрагмент молебна: «Запрещает тебя Господь, диаволе, страшным своим именем: устрашился, вострепещи, убоися, разлучися, потребися, бежи, падый с небесе, и с тобою вси лукавии дуси:

¹⁶ Там же. Требник 1658 г. Л. 582 – 584.

¹⁷ Там же. Требник 1658 г. Л. 591.

¹⁸ Требник 1642 г. Л. 133 об. – 134.

¹⁹ Там же. Л. 137 об. – 138.

всякий дух лукавый, дух нечистоты, дух лукавства, дух ношный и дневный, полуденный и вечерний, полуночный, дух мечтанный, земный, или водный, или в дубравах, или в трости, или в стремнинах, или во двупутиях и в трепутиях, во езерах или реках, в домех, во дворех и в банех преходяи и вреждаяи, и изменяяи ум человеческии вскоре. <...>. Отлучитеся от раба Божия (от рабы) имя рек: от ума, от души, от сердца, от утроб, от чувств и от всех удов его (ея), во еже быти ему (ей) здраву и всецелу и свободну знающу своего Владыку и Зиждителя всех – Бога»¹⁷.

Вся личная и социальная жизнь человека, как уже говорилось, сопровождалась молитвой, необходимой и максимально действенной поддержкой при любом общем, природном, государственном и семейном событии. Примером может служить замечательный текст молебна в случае грозы: «Возгремел бо еси с небесе, Господи, и молния умно-
жил еси, и смутил еси нас. Пременися гневом си благоутробне, к Тебе бо прибегаем... Да не сож-
жет ны огнь ярости Твоей, ниже да пояст нас
ярость молний и громов Твоих... Украти гнев Твой,
и в тихий ефир воздуха преложи и солнечными
лучами на лежащий мрак, и мглу разсеки, и в ти-
хость претвори»¹⁸.

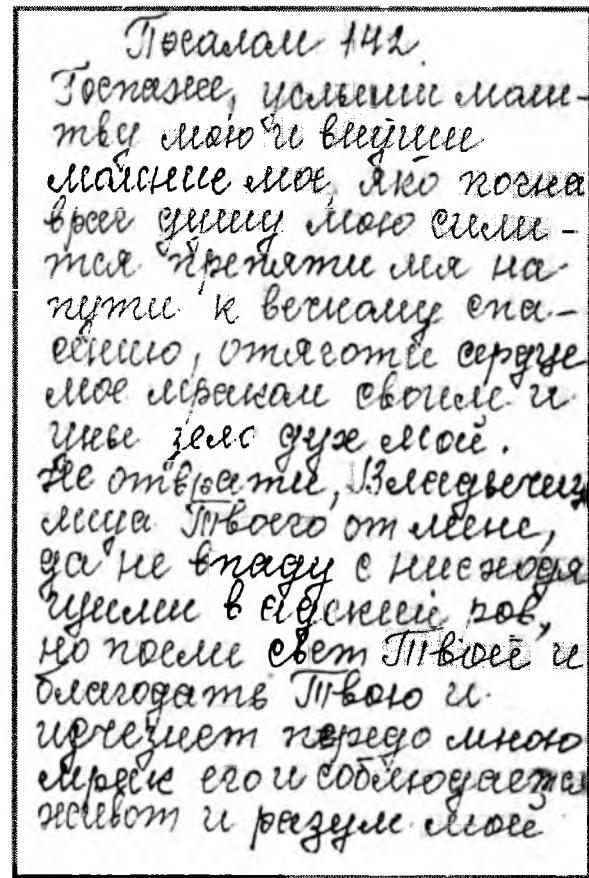
Близка по теме и специальная молитва «О из-
бавлении от злорасторвенных ветров и бури мор-
ских». В ней мы находим краткое изложение основ
христианской космогонии, учения о сотворении
мира и Божественном Промысле: «Владыко, Госпо-
ди Боже наш, иже ипостасным и безначальным тво-
им словом, и животворящим, единочестным Твоим
духом от не сущих в бытие привед всяческая, иже
морю положив предел песок, и мерилом питавивы
горы и дебри, иже падио измеривый небо, дланию
же – землю, иже меры и правила, и уставы... и об-
хождения солнечная, растворенми стихий, манием
Твоим сию содержай неизреченнене»¹⁹.

Рамки статьи позволяют конкретизировать воз-
действие богослужебных текстов на складывание
и утверждение только двух признанных черт рус-
ского национального характера, которые важны не
только с точки зрения понимания нашего прошлого,
но также настоящего и будущего русского на-
рода. Первая из них – проблема терпения, вторая
была названа в указанной статье М. М. Громыко
идеей «монархизма», имевшей в народе «прочную
христианскую основу».

Терпение, по учению христианства, не только
одна из основных добродетелей Веры, но, по сло-

вам Тертуллиана, все остальные добродетели: смиренение, кротость, воздержание – образуются в «школе терпения». В своем определении христианской любви (см. 1 Кор. 13, 3 – 8) апостол Павел на первое место ставит именно долготерпение; прп. Ефрем Сирин, популярный не менее свт. Иоанна Златоуста в России автор, призывает: «Потерпи Господа в день скорби, чтобы покрыл Тебя в день гнева», ибо «кто приобрел терпение, тот приобрел упование и спасение». В основе христианского учения о терпении лежат точные и образные слова Псалтири (см. 65, 12): *Не приемлющий же на себе креста терпения и мужества и не хотящий ничего претерпеть, как может идти вслед за Ним? Как может войти в Покой, не прошедши сквозь огонь и воду терпения?* Учение о терпении, на котором основываются все остальные христианские добродетели, очень рано вошло практически во все основные русские службы. Впервые службы русским святым были включены в печатную Минею Сентябрьскую, вышедшую в Москве, на Печатном дворе, в количестве 510 экземпляров в 1619 г.²⁰ В конце этой книги, «у задней доски», были напечатаны службы нескольким русским праздникам, в том числе прп. Сергия Радонежского, мучеников и исповедников Михаила, кн. Черниговского, и боярина его Феодора, кн. Давида и Константина Смоленских.

Едва ли необходимо аргументировать тезис о неоценимом влиянии на русскую духовность, русскую святость и народную русскую жизнь образа прп. Сергия Радонежского, который по своей популярности в русском народном пантеоне может быть поставлен непосредственно после Николая Чудотворца. Поэтому особенно показательно, что в тексте службы прп. Сергию, в отличие даже от его жития, на первый план выдвигаются крепость веры и подвиг терпения преподобного как основы всех иных величайших его добродетелей. Уже в третьей стихире малой вечерни говорится почти в терминах народной пословицы, что преп. Сергий «угасил углие страстей потом воздержания и терпения»²¹. В прекрасных образах следующих стихир (шестого гласа) раскрывается понятие подвига терпения: «Преподобне отче, кто исповесть труды твоя и болезни, или кий язык изречет жестокое твое житие, бдение же и сухоядение, и иже на земли лягание, худость ризную и память смертную». Далее в службе многократно говорится, что прп. Сергий «показа на земли – в пощениях, в молитвах и во искушениях – образ крепкого и неле-

Ил. 4. Из тетради прихожанки одной из московских церквей – с редкими молитвами, псалмами, акафистами, переписанными в советское время

ностного терпения»²². Исходя из текста службы видим что, именно бесконечно терпеливый отказ от всего плотского позволил прп. Сергию «пощенъя страданиями утвердиться и яко злато в горниле искушений сияя явиться». Самыми яркими с интересующей нас точки зрения являются включенные в текст службы в качестве прямой речи поучения прп. Сергия «к ученикам»: «Не устрашимся подвига постного – да страшного гиенского мучения избежим»; «Согбени будут руци – да воздеются же ся к Богу. Нози же утверждены на молитве предстояти». Еще более выразительны тексты, с которыми, по словам службы, прп. Сергий «ко всем глаголюща»: «Терпяще мучения нынешняя мужествене, веселяся будущим... Люты скорби, но сладок рай. Болезнени труды, но присносущно восприятие. Мало стерпим, да венцы нетленными украсимся». И именно к прп. Сергию как к непорочной душе, ради «крепкого терпения», обращается, по словам службы, «русская всеосвя-

²⁰ Вышла на Московском печатном дворе 12 августа 1619 г. Печатники – Алексей Невежин и Иосиф Кириллов. Стоимость – 25 алтын. (Зернова. 34). (См. *Новые материалы...* № 1.)

²¹ Минея служебная, сентябрь. 1619 г. Л. 44 – 74 (второго счета). См. л. 44 об.

²² Там же. Л. 47.

щенная и великая Церковь с православными князями, иночами же и простые с молитвой о спасении душ верующих»²³.

Не менее подробно разработана тема терпения и в службах князьям-мученикам, терпеливо, твердо и мужественно отдавшим свои жизни за Веру и Землю Русскую.

Наиболее разработана тема терпения как христианского подвига в службе русскому святому, само имя которого стало символом этой добродетели, — св. Василию Блаженному, Христа ради юродивому Московскому. Хотя святые — юродивые, или блаженные, — известны с раннехристианского времени (св. Исидора, 365 г.), однако в литературе многократно отмечалось, что обилие святых блаженных и необыкновенно высокое их почитание является особенностью именно русского православия. Все службы русским святым блаженным полны прославления подвига терпения. Уже первая стихира малой вечерни, то есть собственно начало службы Василию Блаженному 2 (15) августа²⁴, формулирует сущность подвига святого: «Труды и терпением готову юрод миру, но Христу — мудр, в терпении и страдании тверд явися». Стихира по 50-м псалмам подробно раскрывает образы терпения блаженного, в которых он явился миру «крепкостоятелен». Эти же мысли повторяются в стихирах на литии²⁵: «В народне наг ходя, не срамяся, мразы и жжения солнечного не уклоняяся, мудрейшим юродством, терпением и страданием Христу наследова, богатство нося в душе некрадомо». В тропарях пятой песни канона, где также раскрывается понятие христианского терпения, на первом месте как самый великий подвиг названо «безыменство», то есть отказ блаженного ради Господа от собственной личности и даже собственного имени, а также «телесное удручене, досаждение неразумных и нищета»²⁶. Почти все седальны службы блж. Василию также начинаются мыслями о терпении: «Явися чуден в терпении твоем» (седален по первой стихологии); «Приобрящеши Христу многими трудами и терпением» (седален по второй стихологии); «Радуйся, яко терпеливо Христу работая» (седален пятого гласа). Седален четвертого гласа указывает и причину столь высоких подвигов святого²⁷: «Вселися в тя Отец и Сын и Святой Дух, и дарова тебе терпение и мужество и храбрость духовную». В службе найден удивительный образ для определения

блж. Василия, который стяжал во многом терпении плоды Духа Святого и стал поэтому «земный — ангел и небесный — человек», который послужил «Владыце во мнози терпение и тем сказася равен Семиону Юродивому, Андрею Цареградскому, Павлу Фивейскому, Максиму Чудному и Прокопию Великому» и даже самому Бедному Лазарю²⁸. Поэтому, как говорится в тексте службы, святой не только просветил Российскую землю, но и «в дальних странах явися еси чуден». В конце службы блж. Василий призывается: «...непрестанно воздежи руце за ны ко Господу, моляся за царя православного и царицу его и чад их, и за князи, и вси людие, да избавит ны от пленения и междуусобия браны»²⁹.

И хотя это не является предметом данной работы, необходимо обратить внимание на отражение в службе Василию Блаженному духовных поисков и полемики XV — XVI вв. В службе постоянно подчеркиваются духовная мудрость и духовный подвиг Василия, основанный на высочайшем телесном долготерпении. В службе прямо говорится, что святой Василий «всегда душевными очима на умные силы взирати изволил».

Таким образом, в русских службах не только страстотерпцам, мученикам и блаженным, но и прп. Сергию — венцу русской святости, ставшему на многие века идеальным образцом русской духовности, — на первое или, по крайней мере, на особое место выносится прославление христианского подвига терпения.

Напомним теперь собственно народные пословицы о терпении, столь многочисленные и разнообразные, что, насколько удалось выяснить, в таком количестве и качестве их нет ни у одного иного народа. Вот некоторые из них, прямо соответствующие ряду приведенных выше формул богослужения: «Без терпения нет спасения»; «За терпение дает Бог спасение»; «Не потерпев, не спасешься»; «Час терпеть, а век жить»; «Терпи горе неделю, а царствуй год»; «Терпи горе, пей мед»; «Капля камень точит»; «Дятел и дуб продалбливает»; «Терпи, казак, атаманом будешь»; «Терпение дает умение»; «Терпение и труд все перетрут»; «Терпение в люди выводит»; «Оттерпимся — до чего-либо дотерпимся»; «Работай — сыт будешь, молись и терпи — спасен будешь» — и многие другие. (Однако ставшее одной из национальных черт русского менталитета долготерпение, которое так

²³ Минея служебная, сентябрь. 1619 г. Л. 48 — 48 об.

²⁴ Минея служебная, август. Москва: Печатный двор. Август 1693 г. (Зернова, 449).

²⁵ Там же. Л. 44.

²⁶ Там же. Л. 45 об.

²⁷ Там же. Л. 48.

²⁸ Там же. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 44.

часто демонстрирует наша история, имело, очевидно, и свою вторую сторону в виде страшного русского бунта. Об этом также говорит одна из народных пословиц: «Терпит брага долго, а через край пойдет – не умешь».)

Постоянно возникающей в большинстве русских служб также является тема божественного происхождения любой власти предержащей. Положение христианства – «Несть власти не от Бога» –

князя, государя и самодержца всея Руси» и его «благоверной и христолюбивой царицы и великой княгини, и их благородных чад», повторялись многократно в течение богослужения одних суток. Кроме того, праздничные службы, любые русские службы, как мы уже видели на примере службы блж. Василию, содержали соответствующее обращение к святому о покровительстве российскому царю и властям. Эта тема, настойчиво проводимая

Ил. 5. Беседа священника с прихожанами. г. Елец. Преображенский собор. 2001 г. Фото С. В. Кузнецова

получает в русских литургических текстах четкое, конкретно-историческое, но значительно расшенное содержание. Литургические тексты питали не только собственно монархистскую, или царистскую, идею, но гораздо шире – патриотическую идею русского государства, которая действительно соединяла религиозное и государственное сознание³⁰. Так, ежедневно утренняя служба в десятках тысяч русских церквей начиналась с испрашивания у Господа всех возможных благ правящему царю и поименно называемым всем членам царской семьи. Ектении, в которых возносились от лица всех присутствующих в храме молитвы за здравие, благополучие, сохранение, победу и т. д. «благоверного и христолюбивого, Богом избранного и Господом венчанного царя и великого

в литургических текстах XVI и XVII в., в XVIII в. становится чуть ли не превалирующей. Естественно, монархические и государственно-патриотические идеи прежде всего характерны для служб святым, сама канонизация которых была вызвана во многом политическими событиями, как, например, службы успению, обретению и перенесению мощей св. Димитрия-царевича. В XVIII – XIX вв. появляются многочисленные молебны, посвященные тем или другим военным или политическим событиям. Например, зимой 1826 г. в Синодальной типографии Москвы было напечатано «Последование благодарственного и молебного пения ко Господу Богу, даровавшего свою помощь благочестившему государю нашему императору Николаю Павловичу на ниспровержение крамолы, угрожав-

³⁰ Громыко М. М. Указ соч. С. 31.

шей междуусобиями и бедствиями государству Всероссийскому». Ектении «о победе на агарян», молебное пение «Егда царю ити противу супостаты» и «Во время брани» издавались в XVII в. неоднократно³¹, а в XVIII в. известны уже десятки изданий молебнов в честь одержанных русским воинством побед. Кроме того, из служб и молебнов на потребу, или по определенному случаю, начиная с XVII в. добавляют к вседневным ектениям о государе еще и специальные молитвы. Вот например, такая молитва в молебне «во время заразительной и губительной немоши» 1771 г.: «Молимся о благочестивейшей самодержавнейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне всея России, о державе, победе, пребывании в мире, здравии и о спасении ея». И далее возникает поразительная формула, которую в молебнах, чинах и вообще в этом типе прошений можно проследить со значительно более раннего времени: «Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ей во всех, и покорити под нози ея всякого врага и супостата».

В XVIII в. сложился календарь из 63 дней поминовения членов правящей династии, среди которых, правда, еще не было святых, но молебны и панихиды в их дни рождения, преставления, тезоименитства должен был обязательно служить под страхом серьезных кар иерарх илиprotoиерей. «Реестр о бывающих повсядядно... поминовениях по государех» издавался в XVIII в. десять раз (в 1734 г. объем его составлял 12 листов, а в 1797-м – 19 в четвертую долю листа). «Указ о возношении имен императорской фамилии за богослужением» издавался в XVIII в. три раза. В данном контексте можно напомнить о том значении, которое придавали Русская Православная Церковь и государство формуле правильного возношения полного именования государя. Эта формула, произносимая во время богослужения, стала с конца XVII в. важнейшим признаком лояльности или, наоборот, показателем непризнания божественной власти правителя.

Если мы снова обратимся к текстам русских Требников, то легко увидим, что не только жизнь индивидуального, но и любого коллективного субъекта русского общества со дня его создания на всех важнейших этапах функционирования также освящалась и социализировалась литургиче-

скими текстами. Наиболее важные из них, с точки зрения государственной жизни, постоянно правились и терминологически и содержательно в зависимости от конкретно-исторических реалий. Причем многие из этих реалий также можно установить на основании данного литургического текста. Это особенно ярко видно на текстах молитв перед исповедью для представителей различных категорий общества или присяг поступающих на государственную службу людей. Интерес представляют многие молебные чины, причиной появления которых были государственно-политические события, такие, как «Чин окладки града», «Молебен о победе на агарян», в котором монархическая идея и роль защитника всего народа перед врагами и перед Господом выражены особенно полно. В московском печатном Требнике 1651 г. есть несколько молебнов, посвященных испрашиванию победы русскому царю и его воинству над врагами. Их тексты предельно функциональны и выразительны: «...благоверного же царя нашего... его же Твоим именем почтена устроил еси владети, и Твоему надеющаися пособию и укреплению, даруй ему, якоже Константину, победы, огради его оружием истинным, оружием благоволения венчай его, осени на главе его в день брани, укрепи мышцу его, возвыси десницу его, утверди его власть, покори под нозе его вся супротивная, видимая и невидимая враги, возгласи в сердцы его о святей церкви, и о врученных ему Тобою словесных Ти овец, яко да вси в тишине его тихо и безмолвно житие поживут по Твоему благоволению»³². Или не менее полное изложение государственных задач русского царя: «...и покори ему вся иноплеменные сопротивные языки, даруй ему мирен живот и благоугодная Ти творити всегда тех сподоби. Боляры его в послушании и страсе *немздоприимны* (выделено мною. – И. П.) сохрани, воинство его на вся языки борителны укрепи, люди и народ в целомудрии и мире пребывать благоволи, всяко угобзение, яже от земля благих в державе их даряя...»³³

Уже с начала XVII в. фактически все без исключения новые богослужебные тексты в честь канонизированных святых, государственных побед или других событий подчеркивают как важнейшую патриотическую тему не только богоизбранность власти, но и исключительность, богоизбранность Рос-

³¹ Например, в первой половине 50-х гг. XVII в. было отпечатано «Последование молебного пения, внегда царю ити на отмщение противу супостатов» (Зернова, 262). В 1678 г. было напечатано «Молебное пение, певаемое во время брани» и «Получение Патриарха Иоакима «во время нахождения супостатов» (Зернова, 351). Ч. I и II. Напомним, что тексты этих молебнов находились в Требниках.

³² Требник, изданный на Московском печатном дворе 26 сентября 1651 г. (Зернова, 234) в количестве 1 200 экземпляров. Себестоимость книги 1 рубль 8 алтын за экземпляр. Требник продавался в лавке Печатного двора по 2 рубля 3 алтына за книгу. См. «Канон-молебен ко Господу Богу нашему... за царя и за люди, певаемый в брани против сопостат, находящих на ны». Л. 406 – 409 об.

³³ Там же. Л. 750 – 751.

си. Если вспомнить религиозно-политическую идею XVI в.: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать», то, очевидно, ее наиболее полное выражение, и, главное, рассчитанное на всеобщее усвоение, сделано митрополитом Киприаном в службе празднику Положения Ризы Господней, установленному в 1625 г. в честь передачи в Москву шахом Аббасом части хитона Иисуса Христа. Текст, изданный на Московском печатном дворе для обя-

заний русского общества и, несомненно, до них систематически доводимое изложение государственно-патриотической идеи, столь важной для понимания русского общественного сознания более поздних веков. Важно также отметить, что молебны, чины, молитвы, освящающие жизнь общества и государства, предназначались для важнейших событий и были настолько детализированы, что существовали различные молитвы: «внегда отпуска-

Ил. 6. Прихожане сельского храма Воронежской епархии читают акафист Царю-мученику Николаю II. 2001 г. Фото О. В. Кириченко.

зательного и повсеместного ежегодного богослужения, используется, наряду с прославлением Христа и великой реликвии, с Ним связанной, прежде всего для особого прославления Москвы – «града, Богом избранного, Богом почтенного, Богом превознесенного, паче града Иерусалима; града, под нозе которого» Господь положит все нехристианские народы, а также для прославления русского царя – единственного легитимного главы православия, также самим Богом «избранного, названного и поставленного»³⁴. Можно утверждать, что именно эта служба, наряду с рядом иных созданных или отредактированных в первой половине XVII в., содержит оптимально полное, рассчитанное на все

ти к плаванию корабли» и «судном ратным, отпускаемым на противных»³⁵. Вторая из них во всем напоминает молитву «В путь идущим», так же обращаясь к примерам Писания, а затем конкретизирует молебные прошения: «Боже, Боже наш, иже на морю походивый, яко же на суши, и святые Твоя ученики от смущения того свободив пришествием Ти, Сам и ныне, Владыко, сплавай посыаемым судном на враги Твоя, и кротки и благоутишны ветры тем посылая, и гладие волнено подавая тем море, подаждь мужествовати плавающим, на них же посланы быша...»³⁶

Темы святости, креста как важнейшего символа христианства, несения страданий «за други

³⁴ См. подробнее: Поздеева И. В. Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в.: (К постановке вопроса) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 24 – 37; Она же. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 112 – 120.

³⁵ Требник 1642 г. Л. 136 и 140 об.

³⁶ Там же. Л. 140 об. – 141.

своя», соборности и многие другие и составляли живую душу богослужения. Как мы пытались показать, эти тексты охватывали все сферы жизни личности и общества во все века существования Русской Православной Церкви. Именно на их примерах можно показать постоянное влияние богослужебных текстов на этноконфессиональное сознание русского народа.

Постоянное восприятие литургических текстов, несомненно, воспитывало в массовом религиозном сознании не только понимание и принятие основных добродетелей православия и способов их достижения, но также – и глубоких мистических категорий. Систематическое присутствие на литургии, когда пространство храма становится бесконечной вселенной, а литургическое время бесконечное количество раз возвращается к тому самому и единственному времени Распятия и Воскресения, когда хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Иисуса Христа, – несомненно, воспитывает особые качества массового религиозного сознания, на которые современная наука часто не умеет еще обратить внимание. Насколько сильны эти христианско-мистические представления в русском народе, показали наши полевые работы. В дни 1976 г., когда американские космонавты впервые в истории человечества подлетали к луне, в старообрядческой нижегородской деревне глубоко верующий старый крестьянин поклялся своей бородой, что Господь не допустит, чтобы нога человека ступила на небесное (божественное) пространство. Сам старик понимал, что совершил двойной грех, поклявшись таким образом, и искал у нас помощи и совета, как быть, если

высадка на луну совершился. Естественно, мы ничем помочь ему не смогли. А на обратном пути с величайшим удовольствием узнали, что коллективный разум общины смог понять эту проблему просто и естественно, решив, что, поскольку не только время, но и пространство в руках Божиих, Господь не позволил людям ступить на пространство небесное, но расширил для них пространство земное.

Когда речь идет о народном сознании, то, несомненно, одним из важнейших условий действенности литургических текстов является их язык и заключенная в них эмоциональность. Надеюсь, что вышеупомянутые цитаты уже показали, насколько действенным, точным и красивым, в отличие от общепринятых возврений, было слово богослужения. Нельзя забывать также, что именно литургические тексты имели совершенно особое воздействие, так как Церковь в православном храме обращалась не только к разуму и сердцу, но ко всем чувствам верующих, для чего использовались высочайшие достижения русской культуры и искусства: храмового зодчества, литургической музыки, иконописи, свет и даже запах. Да и вне храма большинство из этих условий сохранялось в благодарной памяти и продолжало определять особую проникновенность православной молитвы. Остается только вспомнить замечательные слова, сказанные о ней русским поэтом:

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И веет непонятная
Святая прелесть их.